

УДК 130.2

Романенко М.А.,
*кандидат философских наук,
старший преподаватель Института туризма,
сервиса и креативных индустрий,
Южный федеральный университет.*

Хвостикова В.О.,
*ведущий библиотекарь,
Донская государственная публичная библиотека.*

Контурсы будущего в советской градостроительной утопии

DOI: 10.33979/2587-7534-2023-4-45-53

В статье исследуются формы желаемого будущего, создаваемые советской культурой в виде градостроительных утопических проектов. Авторы доказывают, что в советскую эпоху утопия как продукт модерна перестает быть недостижимой, темпорализуется и обретает почти осязаемую конфигурацию, в результате чего настоящее и будущее связываются постоянными практиками трансформации одного в другое. В качестве таких конфигураций рассматриваются образцы конструктивистской архитектуры в Москве и Ростове-на-Дону.

Ключевые слова: *образ будущего, будущее, утопия, советская утопия, градостроительная утопия, конструктивизм, авангард.*

Romanenko M.A.,
*Candidate of Philosophy,
Senior Lecturer at the Institute of Tourism,
Service and Creative Industries,
Southern Federal University.*

Khvostikova V.O.,
*Leading Librarian,
Don State Public Library.*

Contours of the Future in the Soviet Urban Utopia

The article examines the forms of the desired future created by Soviet culture by means of urban utopian projects. The authors prove that in the Soviet era, utopia as a product of modernity ceases to be unattainable, becomes temporalized, and acquires an almost tangible configuration. As a result, the present and the future are being connected by constant practices of transformation from one into the other. Examples

of constructivist architecture in Moscow and Rostov-on-Don are considered as such configurations.

Keywords: *image of the future, the future, utopia, Soviet utopia, urban utopia, constructivism, avant-garde.*

История представлений о будущем занимает особое место в исследовательском поле *future studies*. Этот ракурс не менее важен, чем решение насущных теоретических задач или диагностика актуального состояния видения будущего. В первом случае речь идет о спорах о предмете исследования, используемых понятиях и применяемых методах понятия, а во втором – об изучении индивидуальных и коллективных представлений о возможном, желаемом, а может, и неизбежном грядущем состоянии. Обращение к прошлому в рамках *future studies* – это не только и не столько попытка ответить на вопрос, каким виделось будущее в определенный исторический период. Важнее всего здесь – понять логику разговора о грядущем, который является продуктом своего времени. Об этом еще на заре становления исследований будущего писал их основатель Фред Полак [Polak, 1973]. Он полагал, что представления о будущем меняются с ходом истории не сами по себе. Они встроены в господствующую культурную парадигму. Так, вполне оправданной оказывается попытка отыскать в прошлом следы будущего, а «изучение образа будущего не только позволяет оценить включенность социума во временную перспективу, его отношение к настоящему, степень удовлетворенности действительностью, конкретизировать представления о цели общественного развития и ценностях социума» [Желтикова, 2020: 28].

Цель настоящей статьи – реконструировать тот образ будущего, который продуцировала советская утопия в ее градостроительной ипостаси.

Прежде чем перейти к разбору ключевых градостроительных проектов и экскавации в них представлений о будущем, нам необходимо выстроить теоретико-методологические ориентиры исследования.

Во-первых, стоит дать краткую характеристику социокультурной обстановки интересующего нас исторического периода. Фоном и контекстом рождения рассматриваемых нами представлений о будущем стали судьбоносные для России события первой четверти XX века. Это время, когда катастрофическое крушение привычного образа жизни дало широкий простор для поисков моделей будущего мироустройства. К ним кроме политиков и социальных экспериментаторов с большим воодушевлением подключились и художники [Паниотова, Романенко, 2019]. Революционный пафос первых лет новой власти строился на стремлении к «новому миру», построить который предполагалось, разрушив старый «мир насилия» и преодолев его прошлое. Для этой цели прибегали к использованию разных средств: от политических (диктатура пролетариата) до художественных (агитпроп). Именно на первое послереволюционное десятилетие, которое Катерина Кларк назвала «самым

утопическим десятилетием всей советской истории» [Clark, 1985: 175], пришлось наиболее яркие дерзания и эксперименты.

Во-вторых, необходимо сказать, почему именно утопия выступает тем феноменом культуры, с которым чаще всего, пожалуй, связывают продуцирование образов будущего. Причина этого кроется в трансформации в эпоху модерна понимания темпоральных отношений, определяющих социокультурные аспекты переживания времени. В частности, это касается переосмысления традиционного порядка сопряжения временных модусов прошлого, настоящего и будущего, в котором последнее приобрело самостоятельную ценность. Для того чтобы обнаружить и описать время в конкретных социальных и политических фактах, Рихард Козеллек предложил две познавательные категории – «пространство опыта» и «горизонт ожидания». По мнению историка, в Новое время «границы пространства опыта и горизонта ожиданий стали расходиться» [Козеллек, 2016: 162]. Открытие самой идеи прогресса, завоевания колоний, развитие науки и техники утвердили культурную ориентацию на «горизонт ожидания» – ориентацию на будущее как место реализации прогресса и новых ожиданий. Это возможность нового и *лучшего* мира, к такому выводу приходит Козеллек, опираясь на понимание прогресса Кантом, как «постоянного продвижения к лучшему». Соответственно, будущее отныне является тем местом, где могут быть решены актуальные трудности и проблемы.

Будущее также вторглось и в замкнутое, герметичное пространство утопии. В ее классических образцах это пространство, где существует совершенное общество, скрыто от мира. Оно расположено на неизведанных берегах, которые невозможно отыскать на карте, а рассказать о нем могут только случайно попавшие туда путешественники. Однако все меняется, как только утверждается ориентация на «горизонт ожидания» и пространственные возможности расположения идеала оказываются исчерпаны. Утопия, как пишет Козеллек, темпорализуется [Koselleck, 2002: 88]. Иначе говоря, она погружается во время и переносится в будущее, отныне ставшее локусом предвосхищения.

Такое положение дел придает будущему морально-политическую ценность. Ведь будущее оказывается неразрывно связано с настоящим, оно больше не находится за пределами досягаемости настоящего, а становится результатом продолжения сегодняшних усилий. Утопия отсюда превращается в эпистемологическую категорию, с помощью которой можно исследовать, как разные горизонты или образы будущего материализуются в конкретном настоящем.

Третий ориентир, раскрывающий логику нашего исследования, – это город. И тут нам предстоит выяснить, как город связан с утопией и можно ли представить будущее через образ города.

Урбанистический мотив в утопии имеет давнюю историю. Их симбиоз можно объяснить тем, что градостроительству имманентно присуще утопическое стремление создать рациональное и контролируемое пространство для жизни. Так, Люис Мамфорд писал о том, что утопия – это не просто эллинистическая спекуляция, а следствие «определенных исторических реалий,

на деле первой утопией был древний город» [Mumford, 1965: 271] как средоточие порядка и стабильности. Ввиду такой сущностной близости город стал не только одним из самых крайне устойчивых образов утопической мысли, но и попыткой человека реализовать свои представления об идеальном (или лучшем) мироустройстве.

Однако пространственное осмысление не теряет своей актуальности и в эпоху «экспансии будущего». Тут стоит обратиться к идеям Анри Лефевра, ведь, по его мнению, «“изменить жизнь”, “изменить общество” – все эти слова бессмысленны, если нет производства соответствующего пространства» [Лефевр, 2015: 72]. Для Лефевра пространство не обладает нейтральным статусом, оно предстает процессом, создающим материальную реальность и отношения, возникающие между объектами пространства. Понять этот процесс можно с помощью «пространственной триады», состоящей из *пространственной практики* – пространственных образцов, формирующих нашу повседневность, *репрезентаций пространства* – господствующих концепций пространства, производимых в обществе (способе производства), и *пространств репрезентации* – пространств, создаваемых символами и образами, наслаивающихся на физическое пространство и подчиняющих воображение. Разработанный Лефевром подход, подкрепленный социально-критической направленностью его философии, демонстрирует не только возможность, но и необходимость изменения пространства и пространственных отношений.

Таким образом, мы видим устойчивую связь между социальной реальностью и пространственными формами, делающую город ретранслятором представлений о будущем.

В следующей части статьи мы обратимся к экспликации представлений о будущем, которые создавал и транслировал утопический дискурс советского градостроительства.

Пафосу создания нового мира соответствовал энтузиазм архитекторов- и градостроителей-конструктивистов, включившихся в «борьбу за коммунизм». Их усилия были направлены на решение не только сугубо технических, профессиональных задач по рациональной организации пространства, но и социальных проблем. Конструктивисты были убеждены, что средствами архитектуры возможно преобразование человека – его привычек и сущности, а потому власти, увидевшие в этом возможность ускорить наступление «нового мира», дали широкий простор для реализации многих амбициозных проектов. В них предполагалось объективировать ключевые ценности создаваемого государства: социальное равенство, обобществленный быт, коллективизм, эмансипацию женщин и т.д. Так, новый советский город должен был прежде всего стать воплощением ведущих социальных идей в конкретном пространстве.

Рис. 1. Дом-Коммуна для студентов, на улице Орджоникидзе. Источник изображения: <https://dzen.ru/a/Y7cvdgXxNEPzdUpH> (дата обращения: 10.10.2023)

В основном творческие искания архитекторов и градостроителей тех лет выразились в проектировании и постройке новых типов жилых зданий, таких как жилые комбинаты и дома-коммуны. Кроме того, проектировщики также занимали проблемы организации больших пространств будущих районов, поселков и городов. Примечательно, что в этих вопросах была высока роль

утопической традиции предшествующих столетий, ядром которой выступало устройство пространства по идеальному геометрическому плану.

В СССР было реализовано несколько проектов домов-коммун в столичных городах, а также в крупных региональных и промышленных центрах. Они отличались друг от друга разной степенью обобщения быта и его организацией, но, тем не менее, отвечали провозглашенному Ле Корбюзье принципу «дом – машина для жилья». Одним из ярчайших примеров осуществления подобных проектов является построенный в 1929 году Иваном Николаевым дом-коммуна для студентов текстильного института в Москве. В нем, как и предполагалось, около 2 тысяч студентов не просто проживали под одной крышей, но и вели совместный быт в соответствии со строгим расписанием. Индивидуальные жилищные условия состояли из так называемой комнаты-купе, или спальной кабины, в 6 м², разделяемой с соседом, где в пользовании каждого были только кровать и табурет.

День начинался с общего пробуждения по сигналу и процедур в санитарном корпусе, где кроме душевых, находились помещения для занятий спортом и также гардеробные для хранения личной одежды. Студенты были избавлены от необходимости самостоятельно готовить себе пищу, этим занимались столовые. В общежитии также были организованы помещения для коллективных и индивидуальных занятий и даже ясли для детей. Этот проект представлял собой наиболее радикальную форму реализации провозглашенных коммунистических ценностей, по сути, напоминая конвейерное производство.

Поиски архитекторов не остановились на организации жилого пространства. И уже в конце 1920-х годов Даниил Фридман предложил идею «квартала-коммуны», где процессы обобщения быта выходили за пределы

одного здания. Из таких кварталов и должен был состоять будущий социалистический город. Предполагалось, что эта идея воплотится в виде ряда жилых комплексов, состоящих из небольших квартир и помещений для всех необходимых бытовых служб – от яслей до прачечных. Эти комплексы должны были быть организованы вокруг центра – площади, используемой для массовых мероприятий. Пространство около площади отводилось под школы, кинотеатры и прочие важные социальные объекты. Кроме того, такие кварталы в соответствии с проектом примыкали к магистрали в виде широкого проспекта, на оси которого были расположены здания различных учреждений, универмагов, гостиниц, гаражей и т.д. По другую сторону проспекта предлагалось разместить заводы и фабрики, которые бы не создавали экологических или шумовых неудобств жителям.

Идеи Фридмана были воплощены в жизнь, в частности массовый характер приобрело строительство так называемых «комбинатов для жилья» – квартальных застроек во многих городах СССР, в том числе и в Ростове-на-Дону [Хвостикова, 2021].

Рис. 2. Комбинаты для жилья. Источник изображения: <https://stroiteh-msk.ru/foto/panelnye-doma-v-sssr-kogda-nachali-stroit.html> (дата обращения: 23.10.2023)

Рис. 3. Дом «Новый быт». Ростов-на-Дону. Источник изображения: <http://theconstructivistproject.com/ru/object/1679/dom-novuj-byt> (дата обращения: 23.10.2023)

Так, в 1927–1931 годы архитекторами Михаилом Кондратьевым и Леонидом Эбергом в Ростове-на-Дону был создан комплекс «Новый быт» (пр. Соколова, 21–23). Это здание воплотило в себе главные идеи конструктивизма. Кардинально отличаясь от созданных ранее, объёмно-пространственная композиция здания в Ростове-на-Дону не напоминала ничего уже имеющегося в городе. Здание «Нового быта» было довольно обширным, что не удивительно, учитывая, что оно должно было включать в себя множество общественных помещений. Никаких лишних украшений: сама форма здания воплощала собой идею нового мира.

Похожий по смыслу образец конструктивистской архитектуры – здание на Буденновском проспекте. Мастер русского модерна Кондратьев хотел построить «город в городе»: жилой комплекс, в котором было бы все самое необходимое для жизни – помещения общественного питания, прачечные, библиотеку, детский сад и т.п.

С утверждением единоличной власти Сталина изменились взгляды на архитектуру и градостроительство. Конструктивизм перестал быть актуальным в Москве, усилия мастеров столичных архитектурных бюро СССР были перенаправлены на восхваление «вождя народов» и достижений советского народа формами неоклассицизма.

Однако, как часто бывает, региональные архитектурные бюро не успевали за сменой политического вектора, и поэтому начало 1930-х годов стало в Ростове-на-Дону периодом расцвета конструктивизма.

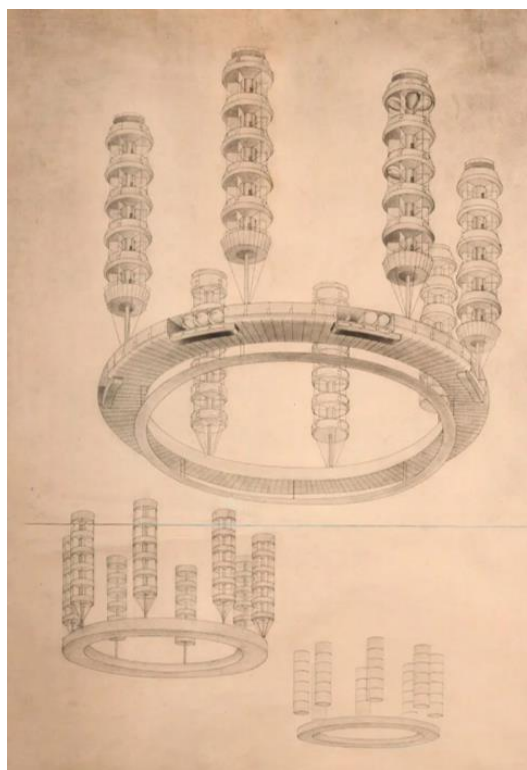
В это время был осуществлен ряд грандиозных проектов: Дом-гигант № 1, комплекс жилых домов Андреевского жилищного комбината на Буденновском проспекте, кварталы домов табачной фабрики и т.п. Все эти архитектурные шедевры были предназначены для рабочего класса.

Рис. 4. Строительство "Дома-гиганта" в Ростове-на-Дону. Источник изображения: <https://dzen.ru/a/YFb4Q3qvt1aDtsW2> (дата обращения: 15.10.2023)

Кроме создания нового пространства, по-новому организующего жизнь обитателей «здания социализма», можно выделить и другие утопические мотивы в формировании представлений о будущем. Например, общим местом были трансформация, очищение, перекодировка имеющегося пространства. Эти процессы можно проанализировать в контексте онтологии негативного в утопии, о чем писал Фредрик Джеймисон. По его мнению, рассказ об идеальном обществе немислим без вытеснения негативного – демонстрации

того, что подлежит избавлению [Джеймисон, 2006: 43–44]. В рассматриваемом нами случае это выражалось в стремлении захватывать сакральное пространство «старого мира», состоящее из храмов, церквей, памятников и т.д. Так, например, именно на месте снесенного Храма Христа Спасителя предполагалось построить грандиозное здание Дворца Советов.

Еще одной важной утопической чертой утопических градостроительных практик тех лет был их интегративный, системный характер. То есть в рамках нового жилого и общественного городского пространства решалась не только

проблема расселения. Вопросы мобильности, социальных коммуникаций, снабжения также имели большое значение: они в разных проектах учитывались как бы на перспективу. Например, предполагалось использование транспорта будущего: автомобилей, метрополитена, «электрички», «винтового трамвая», «движущихся тротуаров», «дирижаблей» и прочего [Лопатин, 1925: 88].

Духу времени отвечали и проекты, выходящие за рамки обитаемого пространства, предполагающие освоение новых мест, наиболее известные из них «космические» и «летающие» города Георгия Крутикова. В этом движении вовне реализовывалось утопическое стремление к глобальности.

Рис.5. Летающий город Крутикова: уникальный проект советского архитектора. Источник изображения: <https://dzen.ru/a/XKy6BGaUTQCv38a9> (дата обращения: 17.10.2023)

Все осуществленные проекты, как и те, что остались на бумаге, демонстрируют то, как самой планировочной структурой создавалось пространство. Пользуясь терминологией Лефевра, можно увидеть, как менялся баланс сил между репрезентацией пространства, пространством репрезентации и пространственными практиками. Провозглашенные идеи оказывались жизнеспособными и продуктивными в той мере, в какой не принимали радикальных форм и сохраняли определенную степень свободы для индивида.

Тем не менее, можно сказать, что градостроительные проекты и практики, воплощающие утопическое стремление к лучшему миру, не только формировали образ этого будущего мира, пусть фрагментарный, незавершенный (незавершенность вообще свойственна утопии), но и пробуждали, как и предполагалось, желание этого мира, приобщали к нему.

Утопические градостроительные проекты обладают одним главным недостатком – их создание начинается с градостроительного плана, а не с изучения социальных факторов. Зачастую архитекторам-утопистам кажется,

что «социальное» последует за «архитектурным», но общество всегда оказывается гораздо сложнее, чем совокупность зданий, этажей и комнат. В этом Лефевр видит причину краха советского конструктивизма: «новым социальным отношениям – новое пространство и наоборот» [Лефевр, 2015: 72].

Как социокультурный феномен авангардная градостроительная утопия продолжает свое существование, генерируя смыслы. Из ее незавершенности сегодня возникает «утопическая» поэтика «неслучившегося будущего» [Ильченко, 2017], а увлеченность этой утопией принимает образ сентиментальной тоски и ностальгии по неосуществленной мечте.

Список литературы

Джеймисон, 2006 – *Джеймисон Ф.* Прогресс versus утопия, или Можем ли мы вообразить будущее? // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. С. 32–49.

Желтикова, 2020 – *Желтикова И.В.* Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32.

Ильченко, 2017 – *Ильченко М.С.* Уралмаш между «наследием» и «утопией»: архитектура авангарда в поисках языков описания // Неприкосновенный запас. 2017. №114 (4). С. 215–235.

Козеллек, 2016 – *Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

Лефевр, 2015 – *Лефевр А.* Производство пространства. Москва: Strelka Press, 2015. 432 с.

Лопатин, 1925 – *Лопатин П.* Город настоящего и будущего. Москва: Новая Москва, 1925. 105 с.

Паниотова, Романенко, 2019 – *Паниотова Т. С., Романенко М. А.* Кривые зеркала авангарда: утопические проекции советской цивилизации // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 237–250.

Хвостикова, 2021 – *Хвостикова В.О.* Урбанистический утопизм в Ростове-на-Дону: региональный опыт (1920-1930-е годы XX века) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3(101). С. 168–177.

Clark, 1985 – *Clark K.* The City versus the Countryside in Soviet Peasant Literature of the Twenties: A Duel of Utopias // *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution.* Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 175–189.

Koselleck, 2002 – *Koselleck R.* The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002. 363 p.

Mumford, 1965 – *Mumford L.* Utopia, the City and the Machine // *Daedalus*, 1965. Vol. 94. No. 2. P. 271–292.

Polak, 1973 – *Polak F.* The image of the future. Amsterdam: Elsevier Scientific Publ. Comp, 1973. 319 p.